

основываясь на том, что предложенное автором определение сущности и закономерностей ассимилятивных изменений вызывает те или иные критические замечания или сомнения и не может пока считаться вполне готовым и законченным инструментом лингвистического исследования, подвергать сомнению значение полученных при его помощи результатов. «Отсутствие материала, готового в чистом виде для закона, не

должно останавливать исследователя, иначе закон никогда не будет открыт»¹³.

Монография Л. Л. Касаткина — это начало, требующее продолжения. Это приглашение к новым исследованиям. И в этом также сильная и привлекательная сторона книги, которая не только дает готовые результаты, но и раскрывает перспективы дальнейшей работы.

¹³ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, М., 1964, стр. 207.

А. Б. Пеньковский

К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. — М. Изд-во МГУ, 1968. 192 стр.

Исследование К. В. Горшковой ставит своей задачей «описание фонологической системы древнерусского языка в ее функционировании и развитии на протяжении XI—XV вв. на северной территории распространения древнерусского языка (Псковская, Новгородская и Ростово-Суздальская земля). Исследование включает вопрос о становлении фонологической системы русского (великорусского) языка на данной территории» (стр. 3). Таким образом, перед нами не просто одно из возможных описаний фонологической системы и ее изменений, но и попытка установить диалектные расхождения на материале наиболее изученного уровня средневекового русского языка.

Теоретическая часть, а также методика рецензируемого исследования не являются оригинальными; на это неоднократно указывается в самой книге. Практическая потребность заполнить в конкретном исследовании естественные для каждого теоретического построения лакуны вызвало частые обращения к рекомендациям представителей других теоретических направлений. Несмотря на осторожность автора в этом смысле, на некоторых страницах возникают неясности, например, в определении признаков фонемы: дифференциальные = релевантные, избыточные = нерелевантные и под. Ср. с этим введенные в начале исследования и практически не использованные понятия конститутивных и особенно переменных признаков фонемы.

Наоборот, важно представление автора, что в историческом исследовании следует исходить не из одних дифференциальных признаков (ДП), а из фонемы, в которой наряду с дифференциальными важны и конститутивные признаки (КП стр. 37—38). Фонемное изменение заключается не только в изменении ДП (что указывает на связь конкретной фонемы с другими фонемами системы), но и в преобразованиях КП фонемы. Послед-

нее изменение удачно иллюстрируется в исследовательской части книги, в частности, на примере развития фонемы /ё/ в ростово-суздальских и новгородских говорах.

В таких условиях, естественно, повышается значение объективных принципов выделения ДП фонемы на разных синхронных срезах. К. В. Горшкова «определяет ДП как признак, характеризующий фонему в бинарной оппозиции при тождестве других признаков противопоставляемых единиц» (стр. 38). Единственную возможность выявления ДП она видит в противопоставлении квазимонимов (стр. 44) и довольно скептически отзывается о выявлении ДП на основе результатов нейтрализации (см. стр. 37, 45, 46 и др. — хотя практически часто этим пользуется, ср. стр. 80, 82 и др.), ничего не говоря о других возможностях. В исследовательской части неоднократно говорится о появлении «сильных позиций», в которых осуществляется противопоставление по известному ДП; соответствующие им «слабые позиции», очевидно, так или иначе связаны с нейтрализацией фонемного противопоставления и всегда описываются в книге. Можно указать и на другие несоответствия теоретической и описательной частей рецензируемого исследования.

Так, недостаточно четко показано в конкретном исследовании взаимоотношение дифференциальных и избыточных конститутивных признаков фонемы. В качестве примера остановимся на авторской интерпретации фонемы /ё/. ДП этой фонемы — степень подъема (средневерхняя), хотя до утраты редуцированных противопоставление по подъему у этой фонемы осуществлялось противопоставлением «напряженности — ненапряженности», причем напряженность фонемы /ё/ «поддерживалась» ее долготой (см. стр. 132 и др.). Если выкинуть в

это взаимное вкладывание фонемных признаков типа «матрешки», окажется, что ядром противопоставления (например, /к/е/) является именно оппозиция по количеству, что ниже и используется в интерпретации позднейших новгородских изменений этой фонемы. Действительно, средневерхней фонема /ё/ становится в связи с фонологизацией /ѡ/ (что к описываемому времени еще не произошло), а напряженность обычно сопровождается оппозицию по подъему. Естественно, что смещение дифференциальных и избыточных признаков в исходной системе приводит к выводу: «Фонетическое изменение [ѣ:] в [иѣ] в новгородских говорах XV в. не имело фонологического содержания: дифтонг [иѣ] имел те же ДП, что и [ѣ] — средневерхний подъем» (стр. 131—132). Таким образом оказывается, что в нарушение общих принципов исторической фонологии (с которыми автор солидаризуется в теоретической части работы) новгородские памятники с написанием *и* или *е* на месте *ѣ* передают фонетическое изменение (аллофонное варьирование, которое в рукописных источниках обычно не отражается), а северновеликорусские говоры, несмотря на важнейшие изменения парадигматической системы (появление /ѡ/ и под.) и преобразования синтагматической системы после вторичного смягчения полумягких, на протяжении семи веков сохраняли одну и ту же фонему /ѣ/. Одно из важных фонемных изменений — перефонологизация (изменение КП в связи с изменением ДП при сохранении фонемного статуса составленной ими единицы) на данном конкретном примере остается не раскрытой.

Наиболее удачной является третья глава, посвященная формированию консонантной фонологической системы русского языка после падения редуцированных. Она содержит новый материал, дает оригинальные толкования известным фонемным изменениям и указывает на новые преобразования, связанные со средневековым диалектным членением русского языка. Именно здесь системный подход к фактам дает возможность принципиально нового решения вопроса, приводит к интересным выводам, важным теоретически.

Прежде всего, намечаются общие тенденции в развитии фонологических систем древнерусского языка; устанавливается исходное функциональное взаимодействие консонантной и вокалической систем («силлабема») и этапы постепенного разложения силлабем, изменения языка вокалического строя в язык консонантного строя. Отсюда — наиболее пристальное внимание к изменениям консонантной системы.

С другой стороны, книга К. В. Горшковой — первый опыт русской историче-

ской диалектологии на фонологическом материале. Системный подход позволяет представить специфически диалектные фонемные системы, главным образом, в языке XIV—XV вв. (более раннее диалектное членение дается в традиционном плане). Особенно это касается системы ростово-суздальских говоров. В традиционном изложении (начиная с А. И. Соболевского) средневековые ростово-суздальские говоры отличались небольшой, всегда предположительной суммой чисто негативных особенностей: в этих говорах, очевидно, не было цоканья, «шепелявого» произношения свистящих, изменения /ѣ/ в /и/, отсутствовала фонема /ѡ/ и т. п. Только фонологическое исследование дает, наконец, возможность четко представить основные особенности ростово-суздальских говоров в их развитии и в их системном отличии от соседних средневековых говоров. При таком подходе важными оказываются не только отклонения от других диалектных систем, но и то общее, что присуще было всем древнерусским диалектам, хотя в каждой конкретной системе имело свою специфическую ценность, выясняемую из совокупности элементов конкретной системы. Ср., например, справедливое замечание автора об уменьшении различительной способности безударных гласных независимо от того, какой гласный обобщался в первом предударном слоге: *н'осѣ*, *р'окѣ*, *н'отѣ* или *н'есѣ*, *р'екѣ*, *н'етѣ* (стр. 12, 14). К числу существенных открытий, сделанных в исследовании, следует отнести вывод о том, что в древненовгородских говорах не развивалось как последовательное фонологическое противопоставление согласных по мягкости—твердости; это увеличивает ценность конкретных наблюдений и замечаний, касающихся ростово-суздальских говоров, в которых такое противопоставление развилось последовательно, обусловив подробно и удачно рассмотренные в книге изменения вокализма.

По-видимому, разложение силлабем в северо-западных и северо-восточных русских говорах привело к закреплению за гласным или согласным различных ДП, прежде связанных со слогом в целом. Лабиальность (= лабиовелярность), велярность, палатальность согласного, с одной стороны, и лабиализованность — нелабиализованность и зона образования гласного, с другой стороны, распределились таким образом, что в ростово-суздальских говорах признак лабиализации остался за гласным (отсюда дефонологизация признака ряда у гласных), тогда как в новгородских говорах зона образования гласных оказалась важнее. Это явилось результатом изменения ДП у согласных: на северо-востоке возникла корреляция согласных по мягкости — твердости (= палатальные и палатализованные в противоп-

ставлении и велярным, и лабиовелярным); на северо-западе возникло не отработанное окончательно противопоставление согласных велярных (палатализованные являются их вариантами) лабиовелярным (отсюда, между прочим, последовательное выделение заднеязычных и губных в сильной позиции — их «отверждение» в конце слова и под.). В книге хорошо показаны предпосылки такого расхождения и особенность новгородских консонантных систем: например, губные и заднеязычные здесь не вступали в оппозицию по мягкости — твердости. К. В. Горшкова справедливо говорит о сохранении в новгородских говорах своеобразных «силлабем» и после утраты редуцированных гласных, которое происходило здесь много позже, чем на северо-востоке (стр. 133, 166, 169 и др.).

Изменение вокализма связывается с этой основной чертой диалектного варьирования; очень удачны фонологические объяснения, приведенные по поводу изменений фонемы /ё/ или по поводу северо-восточного совпадения /е ~ о/ в период между утратой редуцированных и дефонологизацией /ё/ (стр. 92 и сл.).

Наконец, системный подход к объяснению фактов помогает в решении спорных вопросов церковнославянского влияния на развитие русского языка. Только отчетливо представляя себе диалектную систему, можно поставить и решить вопрос о причинах и степени воздействия на нее искусственной традиции церковнославянского произношения. К сожалению, данное преимущество системного изучения фактов автор использовал чисто механически (например, при описании изменений /ё/) и вообще недостаточно подробно, видимо, рассчитывая вернуться к этому вопросу впоследствии.

Подход к языку как к системе оказывается важным еще в двух отношениях: он позволяет произвести достаточно надежную реконструкцию системы в тех ее звеньях, которые не отражены в письменных памятниках или в современных диалектных системах, и объяснить ряд изменений системы давлением самой системы. Если первая возможность в рецензируемом исследовании используется, нельзя сказать, чтобы причины описываемых изменений во всех случаях объяснялись здесь преобразованием системы. Чаще всего в книге говорится о субстратном воздействии на диалектное изменение; ср. предположение об утрате ДП «дентальность — альвеолярность» у согласных под влиянием финского субстрата, хотя вместе с тем «смещение» аффрикат признается древнейшей особенностью новгородских говоров (стр. 75) и т. д.

Трудно согласиться с К. В. Горшковой в том, что во всех случаях «введение синхронии не мешает понять развитие языка,

а помогает разрешению этой важнейшей проблемы» (стр. 47). Исследование строится по синхронным срезам; а поскольку «выбор времени для синхронного среза определяется целью и характером исследования» (стр. 47), автора интересуют только два среза — система перед утратой редуцированных и система после утраты редуцированных. Имея это в виду, не следует преувеличивать значение некоторых сделанных в книге выводов, и вот почему. С утратой редуцированных автор связывает преобразование конкретных систем русского языка и возникновение диалектного варьирования. У В. В. Иванова с его более «частными» и «частыми» и в конечном счете более точными синхронными срезами преобразование консонантной системы связывается не с утратой редуцированных, а со вторичным смягчением полумягких — следовательно, и диалектное варьирование возводятся к этому периоду¹. Именно поэтому в книге В. В. Иванова так мало говорится о падении редуцированных и связанных с ним изменениях.

В обоих случаях точку зрения автора определяет выбор синхронного среза и все имплицитно в этом выборе содержащиеся выводы.

По-видимому, сказанным не ограничиваются недостатки исследования «по синхронным срезам». Интерес к произвольно выбранной синхронной системе оставляет в стороне вопрос о времени изменения в границах конкретной диалектной системы, не учитывает исторической последовательности тех преобразований, которые в более поздней системе отложались уже в виде конечного результата. Навыные «срезы» В. К. Метьюза (по векам) по крайней мере не задают возможных ответов, заранее ограничивая пределы исследования². Ср., например, стр. 84—85, где излагаются результаты отверждения /д'ж'ш'/, изменение групп [кы ты хы] и утрата взрыва в сочетаниях /ж'д'ж' ш'т'ш'/ — все эти изменения описываются как завершенные применительно к срезу XV в., хотя их взаимную последовательность довольно легко определить (ср. классические описания Л. Л. Васильева). На материале конкретной рукописи можно установить относительную хронологию хотя бы указанных здесь изменений, на основе синхронного среза — нет; между тем подобная хронология важна, поскольку дополнительно к системным соображениям позволяет уточнить причинно-следственные связи в историческом изменении и разграничить орфографически сходные явления разных синхронных срезов (например, написания типа *мбжъ, поуштоъ*

¹ В. В. Иванов, Историческая фонология русского языка, М., 1968.

² W. K. Matthews, Russian historical grammar, London, 1960.

в рукописях XI—XII и XV вв., о чем сама К. В. Горшкова убедительно говорит в одной из своих работ³). Рассматривая важное для новгородских говоров отверждение конечных губных (стр. 80), автор обходит молчанием спорный вопрос о хронологической и причинной связи этого процесса со вторичным смягчением полумягких, межслоговой ассимиляцией гласных и утратой редуцированных — и действительно, это оказывается совершенно ненужным при описании конечного результата. Таким способом К. В. Горшкова избегает ответов на вопросы «почему» и «когда» — к сожалению для читателя.

Исследование по синхронным срезам предполагает исчерпывающую и возможно точную реконструкцию этих срезов, прежде всего реконструкцию исходной системы, относительно которой судят о всех последующих преобразованиях. Описывая исходную систему, автор прибегает к упрощениям, в основном ориентируясь на особенности последующих срезов и игнорируя ряд своеобразных особенностей самой исходной системы, например, в части просодических единиц: они не принимаются во внимание для системы XI—XII вв., потому что после падения редуцированных вокализм русского литературного языка не был связан с просодическими различиями (стр. 62); в изложении набор ДП в консонантной системе XI—XII вв. (стр. 63) совпадает с современной системой и проч. Приходится еще раз возразить против характеристики гласных в системе XI—XII вв.: редуцированные не были в это время гласными среднего подъема, так же, как и [ě]; [ъ, ь] характеризовались средневерхним образованием (ср. стр. 67 исследования); любопытно упоминание об [ŭ] без указания на его связь с [o] (стр. 54, 67, 70), а также устаревшее толкование праславянского изменения [je > o] («zero» > ozero, см. стр. 55), что, в частности, приводит к колебаниям в фонематической интерпретации йота. Заключение от более поздних фактов при установлении предшествующих систем характерны и для второго синхронного среза и распространяются также на фонематическую характеристику отдельных слов. Так, об ударении отдельных слов при изложении материала XV—XVI вв. автор судит на основании современного нам литературного произношения, ср. предполагаемое ударение слов *бзы*, *большой*, *Шексна* и под. (стр. 94 и сл.) вместо действительного для этого периода *бзы*, *ббольшой*, *Шёксна*...

Все это обедняет исходную систему и в конечном счете не указывает на суть из-

менений между двумя синхронными срезами, по крайней мере относительно того, что и исчезло. Даже такое определяющее в представлении автора изменение, как утрата редуцированных, изложено кратко и очень тривиально. Непонятны ссылки на описания исходных фонематических систем других славянских языков (например, пралехитского на стр. 55—56, прасербского на стр. 62 и др.) — по-видимому, такие сопоставления определяются убеждением автора в исходной общности всех славянских фонематических систем.

Только этим можно объяснить априоризм в некоторых допущениях, положенных в основу описания. В частности, относительно редуцированных в исходной системе сказано следующее: «Из всех различий по длительности принимаем во внимание лишь различие, связанное с редуцированностью или нередуцированностью гласных» (стр. 62). По-видимому, над исследователями долго еще будет тяготеть обаяние термина: редуцированный — значит сверхкраткий, тем более, что позже он «исчезает». Следовало бы более определенно обсудить другие возможности количественного противопоставления в исходной системе, в частности, связанные с наличием долгих гласных. Это тем более необходимо, что для северо-западного среза XIV—XV вв. очень удачно описывается дифтонгизация фонемы /ѣ/ в результате утраты ее долготы (стр. 132).

Причину подобных недостатков исследования можно видеть прежде всего в неполноте диалектных исторических данных, использованных в исследовании.

Здесь приведено множество примеров, извлеченных из средневековых источников, что можно было бы считать достоинством книги, если бы исследование велось на основании рукописных памятников (к этому призывает и автор на стр. 5). К сожалению, К. В. Горшкова использует только хорошо известные специалистам описания и дополнительно привлекает издания грамот, подготовленные не лингвистами. Это снижает ценность материала, а также основанных на нем очень интересных теоретических соображений относительно графики и орфографии средневековых источников (они высказываются в начале книги, ср., например, замечание о том, какие фонетические явления могут отражаться в орфографической системе, а какие — нет, стр. 25—27; по-видимому, речь идет об отражении фонематических преобразований). Приходится возразить К. В. Горшковой, утверждающей, что интерпретация орфографической системы памятника всегда зависит от представления исследователя «о состоянии системы изучаемого диалекта в разные исторические эпохи и о возможных путях ее развития» (стр. 25). Это противоречит и собствен-

³ К. В. Горшкова, О понятиях исторической фонологии (на материале русского языка), сб. «Проблемы современной лингвистики», М., 1968.

ным утверждениям автора, что писцы отражают фонемные изменения (стр. 42— без уточнения: синтагматические или парадигматические; отсюда возможные непоследовательности в толковании фактов: на стр. 57 утверждается, что новый, т. е. «неорганический» редуцированный, последовательно отраженный в старших русских памятниках, являлся фонетическим призвуком и был «нефонематичен» и т. д.).

Бряд ли справедливо, что традиционные методы изучения рукописных источников «складывались стихийно, без достаточного теоретического осознания», и их нужно улучшать, в частности, с точки зрения общей идеи системности языка (стр. 18) — пожелание по меньшей мере странное относительно таких исследователей, как Л. Л. Васильев или Н. Н. Дурново. Собственная исследовательская практика К. В. Горшковой находится в традиционном русле, хотя подчас и сбивается на смешение графики и орфографии. Общее недоверие к историческому источнику диктует ориентацией автора на синхронную систему, которую, как ясно из книги, можно достаточно точно реконструировать лишь на основе современных диалектных данных. По-видимому, желание отстраниться от изучения орфографических систем связано с трудностью их расшифровки, поскольку орфографическая система всегда параллельна системе языка, не совпадая с последней. Между тем сопоставление орфографических систем может привести к интересным выводам, важным, например, для исторической фонетики. До сих пор у нас нет описания так называемых особенностей «второго южнославянского влияния» в их историческом становлении — сопоставление тех орфографических черт, которые вынесены русскими писцами из южнославянских оригиналов, и тех, которые остались для них чуждыми, позволило бы с иной стороны осветить развитие русской фонологической системы XIV—XV вв., особенно учитывая, что некоторые особенности «второго южнославянского влияния», заимствованные на первых порах, в конечном счете не стали характерными для русских рукописей (в первую очередь это касается знаков ударения). Совсем не одно и то же — только употребление буквы *ou* под ударением — *ъ* без ударения и замена буквы *ѣ* буквой *е* без ударения при различении *ѣ* и *е* в ударной позиции (такова орфографическая система некоторых старопечатных книг московского производства XVII в.) — и последовательное разграничение всех гласных в зависимости от ударения: безударным *ъ, и, о, е, а* соответствуют под ударением *ou, i, ѡ, ѣ, aa(a)* (в одной северной рукописи XVI в.). К. В. Горшкова, постоянно подчеркивая важность языковой системы, практически оставляет

в стороне исследование системы орфографической; для нее априори ясно, что последняя всегда искусственна, ср. рассуждения о написании *ѣ — е* в южнославянских источниках на стр. 22—23 и далее. Разумеется, проще ответить орфографические факты как недоказательные, чем хотя бы предварительно их объяснить. «Смешения букв *ѣ, ѡ, о, е* в новгородских грамотах XIV в. ... принадлежат только графике и не связаны с живыми явлениями языка XIV—XV вв.» (стр. 77). Это все, что сказано о важнейшей особенности древненовгородских говоров, особенно четко представленной в берестяных грамотах (кстати, обойденных вниманием автора рецензируемой книги) и притом только XII — начала XIV в.: в конце слова *ѣ, ѡ > о, е*, в середине слова *ѣ, ѡ > о, е* после сонорных и *о, е > ѣ, ѡ* после шумных согласных.

Можно привести и другие примеры, когда простота описания оборачивается упрощением. Особенно это касается памятников северо-западного происхождения. В книге правильно говорится об отсутствии противопоставления по мягкости — твердости у губных согласных (стр. 167), но вообще ни слова не сказано об особенностях заднеязычных согласных в древненовгородских говорах, в частности, о последовательно отраженном (в берестяных грамотах) отсутствии свистящих по результатам палатализации (написания типа *Дѣмѣ* или *ѣземо*). Но ведь именно своеобразие заднеязычных в исходной северо-западной консонантной системе вызвало серию последующих фонемных преобразований (или, наоборот, отсутствие их), из которых некоторые в книге рассмотрены (например, развитие оппозиции */x/ — /χ/* и отсутствие оппозиции */x/ — /ф/* при сохранении лабиовелярности согласных; здесь же ассимиляция типа *мл, дл > >кл, гл* или *ждж > жг* и под.). И именно памятники письменности отразили все эти интересные изменения; можно привести ряд примеров, когда собиратели стали обращать внимание на те или иные особенности современных говоров только после установления их в рукописных источниках. Не имеет поэтому смысла заключать об отсутствии того или иного явления в прошлом на основе изучения современных говоров.

Следует подчеркнуть, что история росто-во-суздальских говоров привлекает большее внимание автора, чем история новгородских или псковских говоров — последние воссоздаются как единые по своим основным особенностям системы, противопоставленные росто-во-суздальской системе. Это приводит к нечеткому выявлению тех особенностей, которыми различались сами новгородские или псковские говоры. С другой стороны, довольно часто общерусские изменения

(описанные в разделах, посвященных ростово-суздальским говорам и не упомянутые в других частях книги) воспринимаются как диалектные северо-восточные. Последнее прежде всего относится к отвердению конечных губных (стр. 80). Что же касается первого, именно недостаточности разработанности диалектного варьирования внутри новгородского или псковского диалекта, то здесь, по-видимому, проявляется принципиальная позиция автора, стремившегося (на основе известных материалов) наметить определяющие изоглоссы средневекового русского языка, не вдаваясь в детальную характеристику конкретных говоров. Вряд ли следует упрекать автора за такую постановку вопроса, однако и здесь приходится пожалеть, что даже описанный к настоящему времени материал использован не полностью, а выборочно, видимо, в соответствии с «представлениями» автора о системе. К числу досадных пропусков подобного рода следует отнести отмеченные в исследованиях К. В. Горшковой же источниках (сама она их не приводит) написания типа *къ Ивану*⁴: К. В. Горшкова детально описывает написания типа *къ Ивану* (стр. 92 и др.), которые иллюстрируют изменение [и ~ ы], но избегает толковать примеры, противоречащие произведенной реконструкции.

К сожалению, довольно часто изложение материала и фонологическая интерпретация соответствующего изменения в книге идут как бы параллельно. Особенно это относится к наиболее удачным в целом частям исследования, посвященным фонеме /ѣ/ или позиционному смягчению согласных. К. В. Горшкова последовательно идет не от фактов, а от представления о системе. Так, примеры, извлеченные ею из памятников, указывают на изменение *ѣ* > *е* перед твердым и перед мягким согласным, а также на конце слова; тем не менее автор считает нужным подчеркнуть, что в ростово-суздальском говоре XV в. возникала нейтрализация фонологического противопоставления /ѣ/ и /е/ только в положении перед мягкими согласными (стр. 117) — потому что «общее представление системы» перед твердым согласным предполагает оппозицию *ѣ*: *от* (из *em*). Вывод осложняется брошенным вскользь замечанием о первоначальной зависимости изменения *ѣ* > *е* от ударения (стр. 118). Характер приведенных в книге примеров показывает, что в ростово-суздальском говоре к концу XVI в. завершилась дефонологизация /ѣ/ (ср. замечание автора на стр. 118), а все рассуждения относительно нейтрализации указанных гласных перед мягким согласным относятся

к предшествующему синхронному срезу (отражена в памятниках XIV в.).

Ассимиляция согласных по мягкости — твердости после утраты редуцированных определяется в основном «из представления о том, что в системе XIV—XV вв. действовал закон обязательного смягчения губных перед мягкими зубными...» (и т. д., указываются все позиции позиционного смягчения согласных соответственно старомосковской норме произношения, см. стр. 148). В качестве иллюстрации приводятся некоторые примеры типа *дыакъ*, *дыѣѣ*, *съ еѣ* (стр. 83—84). По-видимому, вообще написание *ѣ* вместо *ѣ* не являются полностью доказательными при определении мягкости предшествующего согласного (не говоря уже о традиционных написаниях типа *дыакъ*, *кустовые* и под.), если одновременно нет обратного написания с *ѣ* вместо *ѣ* в положении перед твердым согласным. Более доказательно появление *ѣ* или *ѣ* на месте графического нуля — но подобных примеров приводится очень мало (*близъ*, *земля* и нек. др.) Насколько можно понять из написаний в русских памятниках, знаки *ѣ* и *ѣ* на месте вокалического нуля в некоторых орфографических русских системах употреблялись не в связи с характером следующего слога (мягкость или твердость последующего согласного), а в зависимости от характера предшествующего согласного; например, пишется постоянно *ѣ* после заднеязычных, *ѣ*, *с*, постоянно *ѣ* после остальных согласных шумных, тогда как после сонорных и *ѣ* возможно колебание между *ѣ* и *ѣ* (в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного). Поскольку подобная орфографическая система характерна для северных русских рукописей (уже в пергаменных книгах XV в.), можно было бы в добавление к выводам К. В. Горшковой говорить о своеобразии синтагматических консонантных изменений в говорах новгородского типа (о последних сказано только, что «ассимилятивная мягкость согласных в этой системе была представлена реже», см. стр. 186).

Можно указать также на ряд чисто внешних противоречий, вкрапившихся в изложение материала. В одном месте (стр. 55, также 68, 69, 160) верно говорится о своеобразном положении йота в консонантной системе, а также о сочетаниях /ж'д'ж ш'т'ш'/, однако из изложения на стр. 163 можно понять, что и указанные три фонемы самостоятельно входили в исходную консонантную систему (иначе в таблице на стр. 159). [ѣ] автор также не включает в систему фонем XI в. (стр. 62), но ниже говорится о том, что «в частной системе гласных среднего или верхнесреднего подъема не могло осуществиться и противопоставление по лабиализации — нелабиализации, так как в это время нелабиализован-

⁴ Ср.: Н. Д. Русинов, К истории *и* > *ы* в древнерусском языке, «Dissertationes Slavicae», III, Szeged, 1965.